

Salias
ГРАФЪ САЛІАСЪ.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДѢЙСТВО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

(1762 г.)

Посвящается Александру Алексѣвичу Нарышину.

....а совершилось оное дѣйство съ общаго отъ всѣхъ состояній согласія и восторга; и самое происхожденіе всего было безъ единыя капли пролитія крови.

(Изъ частнаго письма современника персидскихъ вѣнцовъ).

Mais c'est un conte de mille et une nuits!!..

(Восклицаніе Людовика XV при чтеніи депешъ посла о воцареніи Екатерины II).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

1880.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

MAY 10 1995

PG 3470
S2 P48
1880
MAIN
~~83/6~~
~~51/6~~
~~12/6~~

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зима, морозъ трескучій, полночь, но свѣтло какъ днемъ!...

Вдали отъ жилья, среди густаго лѣса, укрываясь среди чащи, гдѣ топырятся и переплетаются голыя сучья и вѣтки, обсыпанные серебристымъ снѣгомъ, стоитъ человѣкъ.

Среди глуши и дичи лѣса, среди тиши ночной, ярко озаренный луннымъ свѣтомъ, такъ что лиловатая тѣнь пятномъ лежитъ за нимъ на сугробѣ — онъ одинъ здѣсь — шевелится, дышетъ, живетъ.... Все окрестъ него, мертвецъ нѣмой и бездыханный, окутанный и увитый бѣлымъ саваномъ.

Морозъ все убилъ и все зарыли будто кованыя и закаленные снѣговыя глыбы.

Круглый мѣсяцъ сіяетъ среди яснаго, синеватаго неба и только изрѣдка укрываютъ его, низко и быстро несущіяся округлыя и крѣпкія облака. Какъ клубы дыма, облака чередую, на мгновенье, застилаютъ мѣсяцъ и желтѣютъ отъ сквозящаго свѣта.... Но тотчасъ же мѣсяцъ, будто самъ прорѣзавъ ихъ, вылетаетъ изъ облачной паутины и могучимъ взмахомъ стремительно идетъ прочь, будто несется побѣдно, въ непредѣльной и многотумной синевѣ ночи.

И каждый разъ только легкая и мгновенная тѣнь скользнетъ по бѣлымъ глыбамъ снѣговъ и исчезнетъ... Будто таинственный призракъ, безмолвно, безслѣдно пронесся по землѣ и умчался въ свой невѣдомый путь!..

А ясный мѣсяцъ въ небѣ, холодно-веселый, будто тоже льдистый, равнодушно глядя сюда съ великой заоблачной шири, только и находить, что голую, сѣрую, шероховатую чашу

лѣсную, да бѣлыя глыбы. И все здѣсь серебристо, лучисто и мертво... Только синіе и пунцовые огоньки и искры вспыхиваютъ, сверкаютъ и меркнутъ, будто бѣгаютъ и играютъ по стволамъ, вѣтвямъ и сугробамъ.

Незнакомецъ стоитъ на самой опушкѣ лѣса, полуукрытый сосной, а предъ нимъ маленькая прогалина лѣсная и бѣлая она... Бѣлая и чиста, какъ только можетъ быть бѣлая снѣжная полянка, среди дремучаго бора, по которой нога человѣчья не ступала еще ни разу съ начала зимы. Ни пятнышка, ни соринки, ни единой точки темной. Ясная и гладкая глыба, какъ бы сахарная, вся усыпана алмазными искрами и серебрится, играя въ лучахъ мѣсяца; а утонетъ онъ на мгновение въ облакахъ, то синевой отливаетъ начнетъ глубокой сугробъ.

Человѣкъ этотъ — охотникъ. Близъ него, на подачу руки, стоятъ, у ствола дерева, короткій мушкетонъ и длинная, здоровая рогатина, о двухъ стальныхъ зубцахъ. Но охотникъ забылъ, видно, про оружіе и, прислонясь спиной къ большому обледенѣлому дубу, откачнулся на него, засунулъ руки въ карманы мѣховаго кафтана, закинулъ голову въ мѣховой шапкѣ и все задумчивое лицо его въ лучахъ мѣсяца. Высокій ростомъ, плотный, могучій въ плечахъ, удалый по лицу и взгляду, онъ или забылъ, зачѣмъ стоитъ въ ясную полночь среди дикаго лѣса, или просто усыпило его — дѣло привычное. Или просто скучно стало, потому что давно ужъ онъ здѣсь. Во всей фигурѣ его есть что-то осанистое и гордое, что-то простое и важное вмѣстѣ и въ лицѣ, и въ позѣ, и даже въ одеждѣ. Молодое выбритое лицо, безъ усовъ и бороды, красивый профиль чистаго лица, большіе темные глаза, задумчиво слѣдящіе за игрой мѣсяца съ облаками, — все говоритъ, что это не простой охотникъ — звѣроловъ изъ-за куска хлѣба.

Тишь полночная не нарушается уже давно ни единымъ звукомъ и не мудрено было задуматься ему и заглядѣться на небо. Долго стоялъ онъ такъ, не двигаясь и опрокинувъ голову, но, наконецъ, шевельнулся, тихо опустилъ голову, опустилъ глаза на серебристую полянку и вымолвилъ шепотомъ:

— Эхъ, моя бы воля...

Онъ вздохнулъ, зашевелился, передвинулъ ногами на утоптанномъ имъ снѣгу и сталъ озираться.

Оглядѣлъ онъ полянку, голую съѣтъ стволовъ, ее окаймлявшую, потомъ глянулъ около себя на оружіе, но, казалось, не вполне еще сознавалъ окружающаго. Мысль его была еще слишкомъ далеко и еще не вернулась сюда, въ глушь, гдѣ топырится кругомъ этотъ обмерзлый лѣсъ, гдѣ этотъ морозъ трещить и гдѣ стоять, прислоненные къ обледенѣлой корѣ, рогатина и мушкетонъ, для любимой забавы, для боя, одинъ-на-одинъ, съ страшнымъ и сильнымъ, но всегда побѣждаемымъ врагомъ.

Однако онъ взялъ машинально сильной большой рукой тяжелую рогатину, откачнулся отъ дерева и оперся на нее... ради перемѣны положенія и отдыха тѣла.

Полупрерванная, движеніемъ его, мысль снова овладѣла имъ.

— Да, моя бы воля! вдругъ вслухъ сказалъ онъ и его собственные слова разбудили и его самого и окрестъ молчащій лѣсъ.

Вдали раздался едва слышно какой-то звукъ. Не то хрустнуло что-то, не то звякнуло. И послѣ одинокаго робкаго звука снова воцарилось то же затишье, тотъ же застой... Только и жизни, что въ облакахъ, а на землѣ все замерло, все недвижно.

— Чтожъ, однако... Тоска какая... Да и морозно! Нынѣ должно быть, беда отъ нѣмцева глазу, пробормоталъ онъ едва слышно, и повелъ плечами.

Онъ начиналъ чувствовать, что сильный морозъ сталъ, наконецъ, пробираться и подъ его мѣховой кафтанъ, опоясанный ремнемъ, съ серебряными налѣчками. У ремня торчалъ большой турецкій пистолетъ и висѣлъ длинный, кривой кинжалъ. Но, однако, охотникъ тотчасъ же снова поднималъ голову и лицомъ къ мѣсяцу, снова забывъ про морозъ, лѣсъ и свою затѣю.

— Да. Лейбъ-Компанцы... Въ одну ночь все дѣйство произвели! вымолвилъ онъ снова вслухъ, но вдругъ тотчасъ же какъ бы опомнился, оглядѣлся на дикій лѣсъ и задвигался, окончательно разбуженный собственными мыслями.

Не сказаннаго вслухъ оробѣлъ, конечно, молодецъ, а тѣхъ

мыслей, что наплывали, бились, роились и, не укладываясь въ головѣ его, бѣжали и смѣнялись другими. Одна только изъ нихъ постоянно будто рѣзала остальные, пропускала ихъ всѣ, а сама оставалась въ головѣ, точь-въ-точь какъ вотъ этотъ мѣсяцъ: пропускаетъ мимо себя встрѣчныя причудливыя кучки облаковъ и рѣжетъ ихъ... Они бѣгутъ прочь, дальше, невѣдомо куда, по далекой синевѣ, и исчезаютъ въ полночномъ небѣ, а мѣсяцъ хоть будто и плыветъ, а все тутъ, на мѣстѣ, и снова свѣтитъ, и снова сіяетъ.

Мысль эта тоже, какъ мѣсяцъ въ небѣ, давно ясно и несмѣняемо воцарилась въ головѣ его. Мысль эту неотвязную онъ и выразилъ вслухъ, словно въ отвѣтъ на все остальное, что наплывало въ молодую голову и смущало ее образами и картинами, которыя, одна ярче другой, одна заманчивѣе другой, были всѣ вполне чужды всему окружающему. Чужды и окрестному дикому лѣсу и его вооруженію. И, зная, не забавить его та затѣя, которая привела его сюда: мерзнуть терпѣливо на морозѣ и, озираясь, прислушиваться ко всякому шороху или звуку, ко всему, что можетъ ожить вдругъ среди этой нѣмоты ночной, среди глубокихъ снѣговъ и помертвѣлой чащи.

— Времена не тѣ были... Да!.. снова отдался онъ своимъ грезамъ. — За то въ одну ночь... Простые рядовые, гренадеры... Теперь они лейбъ-компанцы, да дворяне, а то Ваньки, да Васьки были. А лѣкарь-то этотъ, французъ, да еще съ французскими же и деньгами, былъ тутъ не причемъ. Эдакаго одними деньгами не купишь!.. Сама государыня, сказываютъ, только вздыхала, да робѣла... Лестокъ чуть не силкомъ свезъ ее въ казарму... Божье изволеніе все сотворило. Гласъ народа — гласъ Божій. А не будь его, какіе тутъ французскіе червонцы что сдѣлаютъ. А нынѣ гласъ народа воистину слышенъ. И черный народъ, и нашъ братъ, дворянинъ, и гвардія.... Только кличь кликну кто... Первый! Да, но кто?! Кто?.. Моя бы воля... Эхъ, все пустое! Мысли одни!!

Раздался шорохъ среди чащи направо отъ полянки и охотникъ привычнымъ глазомъ быстро и зорко окинулъ оружіе за поясомъ, брѣвчѣ обхватилъ рогатину и сталъ глядѣть присталь-

нѣе въ чашу. Что-то хрустнуло и звучнѣе и ближе и шорохъ приближался... Охотникъ двинулся слегка изъ-подъ дерева и сталъ на краю опушки, весь освѣщенный луной. Въ ту же минуту на противоположной сторонѣ тоже появилась фигура человѣка и раздался голосъ.

— Эй! Не медвѣдь. Смотри, не пальни!

— А я ужъ было думалъ и онъ! отозвался этотъ.

Появившійся на опушкѣ былъ тоже охотникъ и будто двойникъ перваго. Такого же могучаго роста, такой же плечистый и молодецъ съ виду. Оба были къ тому же и одѣты и вооружены одинаково, только у втораго не было рогатины.

Охотники богатыри, увязая въ снѣгу по колѣна, сошлись на ясной полянкѣ. Это были братья Орловы: первый — Григорій, вновь подошедшій — Алексѣй.

II.

— Что, Алеханушка?... Видно чухонецъ-то во снѣ видѣлъ Мишку... Должно медвѣдей тутъ и не бывало никогда съ тѣхъ поръ, что мы цѣлую семейку объ Рождество ухлопали.

— Не можетъ статься, Гриша, отозвался младшій братъ. — Тутъ на сто лѣтъ хватить и лосей, и медвѣдей, и всякаго звѣрья. Просто незадача. Говорилъ я — сглазить насъ этотъ проклятый Будбергъ. Знамое дѣло! Молодцы ѣдутъ на охоту, а онъ пути желаетъ, да удачи... Ну, и сглазилъ окаанный голштинецъ.

— Видишь ли, по ихнему изъ вѣжливости такъ слѣдъ. Да это и вздоръ... глазъ-то, вымолвилъ Григорій Орловъ.

— Вздоръ... Толкуй. У тебя все вздоромъ стало послѣ грабничнаго житья. Это російская примѣта—самая вѣрная.

Братья помолчали. Алексѣй снова заговорилъ.

— А меня, братъ, морозъ сталъ одолѣвать съ тоски. Пора бы ужъ въ Красный. Поужинаемъ, да и домой. Ей-Богу! Мало-ль что?.. Можетъ даже нужда въ насъ случится. Да и морозина тоже чертовскій, всю ночь не выстоишь. Какъ, Гриша, на твой разсудокъ?

— Обидно съ пустыми руками.

— Нашихъ-то не слышать. Словно померли всѣ... Надо думать, они за версту уползли. Если и поднимутъ Мишку, не намъ достанется. Пойдемъ-ка къ лошадямъ? А?..

— Пойдемъ, коли хочешь, равнодушно отозвался Григорій.

— У меня, по истинѣ, и не то на умѣ. Не такъ, какъ бывало прежде. Какія теперь забавы, до охоты... тиге сказалъ Алексѣй Орловъ.

— Да. Нынѣ не такой медвѣдь изъ Нѣмеціи пожаловалъ вдругъ, да на шею сѣлъ! весело разсмѣялся вдругъ старшій братъ, потрясая могучими плечами, и звонко раздался его смѣхъ богатырскій среди серебристой чащи.

Нѣсколько снѣжинокъ отъ смѣха и отъ движенія его посыпались съ ближайшей сосенки и засверкали при беззвучномъ паденіи.

— Тиге... Чего горланишь...

— Въ лѣсу-то. Господь съ тобой, Алеханушка.

— Въ лѣсу? При Бироновѣ, сказывалъ родитель, опенки изъ лѣсу бѣгали доносить про все, что толковалось въ чащѣ.

— А тутъ теперь и опенокъ нѣту. Зима! шутилъ Григорій Орловъ.

— Береженаго Богъ бережетъ. Да, времена нынѣ пришли. Два мѣсяца, какъ померла Лизаветъ Петровна, а что ужъ воды утекло... А все этотъ принцъ. Все онъ. Государь тутъ, ей-ей, ни причесть. Не пріѣзжай онъ...

— Да этотъ принцъ Жоржъ не то, что вонъ лѣсной Михаилъ Ивановичъ Ведмѣдевъ, тиге вымолвилъ братъ. Этотъ не насъ однихъ сомнеть своими порядками.

— Насъ?.. Какъ бы всю гвардію не помялъ, отозвался Алексѣй. Да что гвардія! Все можетъ поломать и вверхъ ногами вывернуть. А мы будемъ смотрѣть, да моргать! Да! какъ-то странно и желчно выговорилъ онъ. Мы будемъ въ кустахъ сидѣть, да ворчать, да шишъ показывать за версту. И не робость помѣхой дѣлу. А стыдъ сказать что... Лѣнь! Да, лѣнь... Все какъ-то чрезъ пень колоду валимъ. Погодите, да обождите, да отдохните... Да эдакъ вотъ два мѣсяца и годимъ. Устанемъ отъ сидѣнья — на охоту... А то за бабьемъ ухаживать... И

какъ право не наскучить. Все бабы да бабы, да все разные. Что ни недѣля, новая зазнобушка. Чудно, право. Да и тому-ли теперь на умѣ быть.

Алексѣй замолчалъ и будто слегка приунылъ.

Григорій заговорилъ первый послѣ минутнаго молчанія и голосъ его зазвучалъ какъ-то нѣжнѣе, будто онъ винулся. Упрекъ брата прямо относился къ нему и онъ мысленно со-знался въ правотѣ его.

— Чтожъ, Алеханушка. Я не отпираюсь. Правда твоя. Да вѣдь это съ тоски. А начните, поведите дѣло по еройски. И все я брошу. И охоту, и вино, и картежъ... А барынь-то вашихъ я и безъ того порѣшилъ бросить. Ну ихъ...

— Толкуй! усмѣхнулся недовѣрчиво Алексѣй. Бросишь? Ты? Да тебѣ безъ нихъ дня не прожить. Ты съ колыбельки бабій угодникъ уродился.

— Угодникъ? Никогда я имъ не бывалъ. А по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Я только не зѣваю. А искать, я не ищу.

— Почему бы это такъ? веселѣе заговорилъ Алексѣй. Я зачастую вотъ думалъ: вѣдь не краше же ты другихъ нашихъ молодцевъ. А ни за кѣмъ изъ нихъ наши франтихи такъ не бѣгаютъ. И чѣмъ ты берешь... Наговоръ что-ли какой вѣдаешь? У нѣмца какого за границей купилъ приворотъ какой?

— Наговоръ? На кофейную гущу на тощакъ дую. Угольки по водѣ пускаю, да причитываю, фазсмѣялся Григорій. Нѣтъ, братъ. Мое колдовство простое, да не въ домекъ нашимъ молодцамъ, хоть они и прятче меня. А нѣтъ проще дѣла.

— Что же? Приворотъ что-ль какой изъ травъ заморскихъ?

— Мой приворотъ тотъ, что у меня любовное дѣло—мертвое дѣло!

— Мертвое?

— Да, мертвое. Такое дѣло, что про него я одинъ знаю, да она одна знаетъ. А это нынѣ въ Петербургѣ для всякой молодежи чужой жены и довольно. Когда дѣло какое ни есть—мертвое, такъ тутъ все одно, что есть оно, что нѣтъ его...

— А Куракина? Всему Питеру, братъ, вѣдомо, что ты изъ-за нее чуть не по трубѣ водосточной лазилъ, да по крышѣ.

— Это одно дѣло съ оглаской и было. И то потому, что она сама того хотѣла на всю столицу нашумѣть. Ея воля была. За то полсотни было такихъ, объ коихъ ты, братъ, родной мой, никогда и въ умѣ ничего не держалъ. Да что, Алеханушка!.. Коли къ слову пришлось! Григорій Орловъ оживился и глаза его блеснули ярче.—Можетъ и теперь вотъ... Можетъ со мною теперь такое приключается, такое на душѣ легло, что кабы ты вѣдалъ, тагъ ахнулъ бы... Какое тутъ ахнулъ? Заоралъ бы благимъ матомъ на весь вотъ этотъ дѣсь.

— Въ принцессу что-ль какую влюбился? разсмѣялся Алексѣй. Ихъ теперь съ принцемъ Жоржемъ много пріѣхало изъ Голштиніи.

— Нѣтъ. Что мнѣ твои принцессы. Невидаль!

— Не ври.

— Затѣмъ врать... Мы здѣсь не въ трактирѣ, грустно вымолвилъ Григорій. Да и не ради похвальбы я рѣчь завелъ. А ради тяжести душевной... Вотъ ужъ недѣлю камнемъ лежитъ оно у меня на душѣ.

— Кто-жъ такая твоя новая ворожея. Такой и нѣтъ въ столицѣ. Русскихъ принцессъ у насъ въ Питерѣ теперь нѣту! весело говорилъ Алексѣй; но вдругъ, глянувъ въ лицо брата, запнулся и прибавилъ взволнованнымъ голосомъ. Гриша, балагуришь? Во снѣ видѣлъ...

Григорій Орловъ махнулъ рукой и прошепталъ:

— Охъ нѣтъ, въ яви, братъ. А и радъ бы въ ину пору, чтобъ мнѣ та явь, сномъ обернулась!

Алексѣй Орловъ схватилъ брата за руку и замеръ въ движеніи.

— Гриша, да Господь же съ тобой... шепнулъ отъ почти задохнувшись.

— Алеханушка, я не говорилъ... а коли ты самъ по догадкѣ дошелъ, то молчи.

— Молчать... Я... Что ты, Гриша. Да тутъ Іуда промолчить, а я тебѣ братъ... Ты самъ-то... Самъ молчи. Себѣ самому въ горниці не скажывай... Гриша... Зачѣмъ? Вѣдь это нашему дѣлу только помѣха! И какъ это все. Ахъ, Гриша... Вѣдь это смертью пахнетъ.

— Любовь, что пьянство, Алеханушка! Себя не помнишь... Да и сердце нешто спрашивается? А что смертью пахнет мнѣ всегда любо было, воскликнулъ Григорій Орловъ чуть не на весь лѣсъ. Чудны вы, погляжу я. Ты вотъ въ трактиръ ломишься, гдѣ Шванвичъ со всей своей компаніей буянить и гдѣ тебя могутъ кіемъ или кулакомъ убить зря... Въ войнѣ, въ битвѣ на пушки, да на завалы лѣзешь, гдѣ тебя самый лядашій нѣмецъ можетъ изъ пистолли уложить какъ муху... Ночью опять бываетъ, проселкомъ гдѣ ѣдешь, зная, что весь тотъ путь грабители заставили и, того гляди, ухлопають изъ-за забора или изъ-за пня... Ну? А вѣдь не робѣешь, лѣзешь насмерть!.. А тутъ, въ любовномъ дѣлѣ трусить, объ опаскѣ думать!... Тутъ когда, бываетъ, тебя ждетъ твоя... твоя... Ужъ не знаю какъ и назвать-то... Вся-то жизнь твоя и душа-то твоя тамъ будто осталась съ вечера, да опять поджидаетъ... Такъ тутъ видишь-ли, раздумывай, да опаску соблюдай.. Что ты братъ!.. Тебя знать еще не ждала. Смертью говоритъ пахнетъ. Тогда-то и любо братъ, какъ въ ночь-то вы втроемъ на свиданіи: ты, она, да смерть за плечами.

Алексѣй Орловъ стоялъ понурившись и не шевелясь и уныло глядѣлъ въ чашу лѣсную.

— Что?.. Не по твоему?.. Эхъ, братъ, право, тѣмъ жизнь и мила, что смерть есть!

— Охъ, Гриша, Гриша...

— Чего?..

— Охъ, Гриша... Что ты мнѣ сказалъ. Вѣдь за это хоть прямо на площади голову снимай.

Григорій Орловъ выпрямился.

— Голову! За что? Любовь никому не обидя! А еслибъ и такъ. Пускай!.. Ты, Алеханушка, знать, еще не любилъ никого, какъ я теперь. Голову, говоришь? Да десять, сто, ихъ сымай, тыщу... Голову! Да и самъ себѣ, коли нужно, оторву свою обѣими руками, да брошу ей въ ноги. На, молъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!!

Григорій смолкъ и, сдвинувъ шапку на затылокъ, проводилъ рукой по горячему лбу. Алексѣй тихо поднялъ голову и задумчиво глядѣлъ на круглый мѣсяцъ, сіявшій въ небѣ.

III.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Григорій Орловъ собрался было снова заговорить, но младшій братъ вдругъ поднялъ на него руку и сталъ прислушиваться. Оба вдругъ притаили дыханіе. Особый шорохъ слышался невдалекѣ отъ нихъ; что то хрустнуло и зашуршало, потомъ все смолкло... потомъ опять хрустнуло что то... Другихъ охотниковъ, кромѣ нихъ, вблизи быть не могло.

Братья поняли, переглянулись и усмѣхнулись. Страсть къ любимой забавѣ сказалась съ разу. И все было забыто! Оба лица за мгновеніе унылыя—просвѣтлѣли.

— Мишенька! почти нѣжно и страстно шепнулъ Григорій Орловъ.

— Твое счастье. На тебя вышелъ, отозвался братъ, тоже шепотомъ.

Шорохъ близился и наконецъ шагахъ въ двадцати отъ нихъ показалось за прогалиной, на противоположной опушкѣ, что то круглое, темное и странно двигалось оно, будто катилось клубкомъ по снѣгу.

Алексѣй Орловъ быстро досталъ изъ са спины мушкетонъ.

— Палить? шепнулъ онъ вопросительно брату. Я на тебя поднять... а не бить.

— Да, пугни! Нѣтъ, бей по лапамъ. А то на двухъ, пожалуй, не выйдетъ.

Раздался выстрѣлъ. Животное рывнуло и повернуло было въ чащу, но Алексѣй Орловъ крикнулъ, затопалъ и, доставъ пистолетъ, выпалилъ снова на удачу.

Медвѣтъ матерый, темнорыжій и огромный вернулъ на охотниковъ. Поднявшись въ тѣни, среди голыхъ стволовъ, онъ зашагалъ на заднихъ лапахъ и вышелъ на свѣтъ, отчетливо рисуясь на освѣщенной луною прогалинѣ. Длинная синяя тѣнь легла предъ нимъ на сугробъ и двигалась вмѣстѣ съ нимъ на охотниковъ.

Григорій Орловъ, готовый на бой, будто преобразился, будто выросъ еще на аршинъ. И отъ него не малая тѣнь ше-

велилась на хрустящемъ снѣгу. Ухвативъ рогатину на перевѣсъ, онъ шагнулъ широко на медвѣдя и крикнулъ весело.

— О-го-го, Миша, здорово. Вишь ты какой почтенный! Стоить погрѣться съ тобой.

Медвѣдь, испуганный выстрѣлами и криками двухъ враговъ, злобно сапѣлъ и несъ себя высоко на ногахъ.

Орловъ шагнулъ еще ближе къ самому животному и привычной рукой, размашисто ткнулъ въ него рогатиной, глубоко всадивъ лезвее. Медвѣдь заревѣлъ.

— Разъ! весело крикнулъ сзади Алексѣй и прибавилъ крѣпкую шутку, отъ которой братъ разсмѣялся; но дикий ревъ на весь лѣсъ заглушилъ и слова и смѣхъ.

Медвѣдь ударилъ лапами по рогатинѣ, вонзенной въ его животъ и обхватилъ ее. Оружіе дрогнуло отъ этихъ ударовъ въ рукахъ охотника; онъ быстро вырвалъ лезвее и тутъ же снова вонзилъ. Кровь, дымясь, хлестнула изъ раны на серебристый снѣгъ.

— Два! Мишенька! крикнулъ онъ весело, чуть не на весь лѣсъ.

— Ой! Шибко бьетъ разбойникъ! Придержи, Алеханушка.

Оба брата съ одушевленными лицами уперли толстую и длинную рогатину въ землю и держали. Медвѣдь все ревѣлъ, все болѣе налѣзалъ на лезвее, рвавшее его внутренности, топталъ подъ собою окровавленный снѣгъ и уже хрипливо завывая, слабѣе билъ по рогатинѣ, напрасно стараясь достать удалыхъ враговъ. Паръ легкими клубами валилъ отъ него и дымкой вился на морозѣ, вокругъ мохнатой шкуры...

— Сядь, Миша, сядь! весело крикнулъ Григорій.

— Полно хлопотать-то, садись, родимый, прибавилъ и Алексѣй.

Животное, ослабѣвшее, наконецъ, отъ потери крови осунулось и слегка одушилось, поджимая заднія лапы. Только дикий ревъ оглашалъ лѣсъ.

— Валишь? сказалъ Алексѣй, придерживавшій рогатину.

— Чего? Не слышать. Ишь ореть...

— Валишь, говорю. Не встанетъ, небось...

— Рано. Ну, да въ двоѣмъ-то осилимъ. Не здоровѣе же онъ Шванвича! крикнулъ Григорій.

Оба брата при этомъ имени громко расхохотались. Медвѣдь съ испуга приподнялся снова отъ дружнаго взрыва смѣха, но осунулся опять и совсѣмъ сѣлъ. Братья вырвали изъ снѣга свой конецъ рогатины уперлись въ нее оба и съ усиліемъ повалили животное навзничь. Медвѣдь слабо забарахтался среди окрашеннаго сугроба и затѣмъ, не смотря на вырванную рогатину, не поднялся.

Григорій Орловъ досталъ длинный кинжалъ изъ-за пояса, быстрымъ движеніемъ нагнулся надъ животнымъ и размахисто вонзивъ въ него весь кинжалъ, распоролъ горло. Медвѣдь зашипѣлъ какъ-то и, зарывая горячую морду въ снѣгъ, только судорожно подергалъ задними лапами и распластался во всю свою длину.

— Ладно, Миша. Такъ-то лучше... весело сказалъ Григорій. Погрѣлись однако знатно, обратился онъ къ брату и, снявъ мѣховую шапку, обтеръ себѣ лобъ.

— Да, силенъ былъ покойникъ Михайло Ивановичъ.

— Будь одинъ съ нимъ, пришлось бы палить. Сдался бы ты, Мишутка, не инако, какъ на нѣмцевъ ладъ. А то-ли дѣло эдакъ... Побарахтаться, да погрѣться! Ишь вѣдь здоровенный!.. нагнулся Григорій надъ медвѣдемъ.

— Пожалуй, даже посильнѣе Шванвича, усмѣхнулся Алексѣй. Того мы вдвоемъ легче одолѣваемъ.

Братья разсмѣялись.

— Ну, теперь надо звать Ласунскаго и своихъ Чухонъ.

— Врядъ дозовемся. Коли на зовъ горластаго Мишки не прибѣжали, стало такъ далеко, что и не докличешься.

Алексѣй Орловъ досталъ изъ-за спины охотничій рогъ и сталъ трубить. Потомъ прислушался.

Все было тихо, и не только отвѣтнаго звука другой трубы, ни шелеста, ни шороха не слышно было кругомъ среди морознаго затишья и застоя.

— Вотъ что, братъ, нечего даромъ-то за музыкой время терять, сказалъ онъ. Берись! Впрягемся мы въ Мишку, какъ парой въ дышло, да за задніе лапы и потащимъ къ лошадямъ. Тутъ болѣе версты не будетъ.

И два богатыря, ухвативъ распластавшуюся лохматую машину, легко потащили ее, бодро шагая рядомъ.

Кровавый слѣдъ багровой лентой вился за ними по серебру снѣговъ.

— Эхъ, кабы намъ, братецъ, дѣла наши всѣ также вотъ лихо вершить, какъ на охотѣ!

— Кабы съумѣть управиться также споро, какъ мы вотъ съ Мишками справляемся, договорилъ Григорій Орловъ на ходу...

— Тамъ не сила, а разсудокъ, да смѣлка дѣло вершаетъ.... А главное и первое всему начало—согласье... отозвался Алексѣй.

— Я все тутъ стоялъ въ лѣсу.... Ждалъ вотъ этого.... А прозѣвалъ бы непременно, потому что все въ головѣ у меня Лейбъ-Компанцы прыгали.... Вотъ кабы эдакъ то!... Въ одну ночь... Безъ шуму, безъ драки... безъ убивства своего брата, офицера какого иль солдата.

— Вишь чего захотѣлъ! Нешто можно? Статочное ли это дѣло? Вѣдь тутъ не тетушка Леопольдовна, да шестимѣсячный младенецъ на престолѣ... Да оба нѣмцы... Да и охраны никакой...

— А нынѣ-то кто-жъ? Все то же...

— То же, да не то. Тѣ-же щи, да съ говядиной... Голштинское-то войско глядѣть что-ли будетъ?... Да что Голштинцы!.. Вонъ свои Измайловцы да Семеновцы по сю пору никакимъ голосомъ не откликаются. Э—эхъ. Все это... сновидѣнья одни наши! вздохнулъ Алексѣй Орловъ.

— На мой толкъ, Алеханушка, прежде всего рогатиной намъ хохлацкой заручиться. Тогда все, какъ по маслу пойдетъ.

— Какой рогатиной?!

— Хохлацкой. Въ ней вся сила! смѣялся, шагая, Григорій.

— Что ты приплетаешь? Какая хохлацкая рогатина?

— А гетманъ! Графъ Кирилла Григорьевичъ.

Алексѣй Орловъ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Мудрено. Къ Разумовскимъ и воротъ не найдешь; не знаешь съ какой стороны и подѣхать къ нимъ. Они оба доки—мягко стлать.